

ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТЬ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ОТ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ДО ПАДЕНИЯ ДИРЕКТОРИИ (1918)

С.В. Листиков

В статье показано, как сообщения американских дипломатов о Гражданской войне на Востоке России в 1918 г. влияли на выбор президентом В. Вильсоном осторожной политики по отношению к антибольшевистским правительствам этого региона. Изменить этот курс Вашингтона на более энергичный не смогли ни нараставшие разногласия с союзниками и белой дипломатией, ни кратковременное существование умеренной Директории. Военный переворот в Омске 18 ноября мог подтолкнуть лидера США к поиску новых подходов в его «русской политике».

Ключевые слова: Гражданская война, антибольшевистские правительства, президент США В. Вильсон, союзники, американские дипломаты на Востоке России

The article shows how news from American diplomats about the civil war in eastern Russia in 1918 influenced President Woodrow Wilson's cautious policy towards the anti-Bolshevik governments in this region. Growing disagreements with the Allies and with White Russian diplomats did not shift this policy towards a more energetic one, nor did the existence of the moderate but short-lived Directorate. It was a military coup in Omsk in November 18 that prompted the US leadership's search for a new approach to its «Russian policy».

Key words: Civil war, anti-Bolshevik governments, US president Woodrow Wilson, the Allies, American diplomats in Eastern Russia

DOI: 10.32608/1010-5557-2022-2022-134-154

Тема «русской политики» президента США В. Вильсона на этапе переживавшихся Россией судьбоносных перемен — революций 1917 г.

Листиков Сергей Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований Отдела региональных исследований. ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

и Гражданской войны — была и остается предметом самого вдумчивого и критического изучения отечественными и заокеанскими исследователями. Большинство из них сходятся на том, что в силу внутри- и внешнеполитических обстоятельств хозяину Белого дома в столь критический для будущего отношений двух стран момент не удалось подобрать ключи к решению «русского вопроса»¹.

Одна из принципиальных проблем, которую президент так и не смог решить в охваченной смутой России, состояла в том, чтобы найти те политические силы, на которые можно было бы опереться в строительстве своей политики. Нам хотелось бы понять, почему это обретение не произошло осенью 1918 г., когда, казалось бы, появление 23 сентября на Востоке России умеренной Директории, или Временного всероссийского правительства предоставляло Вашингтону такую возможность.

Свержение большевиками Временного правительства было справедливо воспринято ведущими американскими политиками как появление вакуума законной власти на пространствах огромного Российского государства. Новая ситуация требовала от Вашингтона определить принципиальные позиции и в отношении В.И. Ленина и его единомышленников, и тех оппозиционных центров, которые стали возникать по всей стране. Времени творцам внешней политики США было отпущено немного, поскольку в Петрограде уже 8 ноября 1917 г. «Декретом о мире» стали формировать собственный подход к международным делам в духе идей «мировой революции», создания вселенского братства трудящихся и призывали народы к немедленному прекращению империалистической бойни.

Государственный департамент США отреагировал появлением двух документов, подготовленных специалистом по России Б. Майлзом и главой ведомства Р. Лансингом 8 и 10 января 1918 г.² Их идеи вполне согласовались с теми весьма абстрактными положениями на тему «русской политики», которые прозвучали в знаменитых «14 пунктах» В. Вильсона от 8 января 1918 г.³

---

¹ *Мальков В.Л.* Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 — март 1918 гг.) // Новая и новейшая история. 1999. № 6; 2000. № 1; *Fic V.* The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918. N.Y., 1995; *Foglesong D.* America's Secret War Against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill (N.C.), 1995; *Kennan G.F.* The Decision to Intervene. Princeton, 1958; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence (Kans), 2001; *Unterberger B.M.* America's Siberian Expedition, 1918–1920: A Study of National Policy. Durham (N.C.), 1956; etc.

² Memorandum by B. Miles for the Secretary of State. January 8, 1918 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link. Vol. 45. Princeton, 1984. P. 543 (Далее: PWW.); From R. Lansing to W. Wilson, with Enclosure. January 10, 1918 // Ibid. P. 562–564.

³ An Address to a Joint Session of Congress, January 8, 1918 // Ibid. P. 534–539. В «14 пунктах» президент, учитывая нарастающее состояние неопределенности и смуты

В Государственном департаменте справедливо констатировали бедственное состояние России, оказавшейся расколотой на части; некоторые из них возглавлялись враждовавшими между собой политическими группами. Этот тезис сопровождался заявлением, что только народ России имел право определить, какому из претендентов на власть следовало доверить судьбу страны.

Не удивительно, что по отношению к «узурпаторам власти» Вашингтон закладывал идею непризнания, отрицания их леворадикальных доктрин; отвергал их миротворчество, грозившее вылиться в сепаратную сделку с Германией. Но возможность неформальных контактов с Петроградом признавалась (кто мог предсказать, чем могла обернуться непредсказуемая ситуация в России?).

Р. Лансинг давал «подсказку», в какую Россию «правительство и народ» США не утратили веры и какую хотели бы видеть в будущем: «единую и демократическую», утверждавшуюся после Февральской 1917 г. революции, скроенную по западной модели. В Вашингтоне проявляли осторожность и давали понять, что не брались предсказать, сколь долг и сложен будет процесс появления и укоренения в России в условиях внутренней смуты антибольшевистских, просоюзнических правительств и их объединения. Госсекретарь вполне в вильсоновских расплывчатых выражениях формулировал мысль: каждому из таких претендентов на власть предстояло сначала доказать обоснованность своих претензий гражданам России «существенно и неопровержимо» (*substantially conclusive*), добившись их поддержки. И лишь потом можно было ставить вопрос о признании такого правительства иностранными государствами. При таких крайне неясно сформулированных критериях «зрелости» русских антибольшевистских правительств Вашингтон оставлял за собой полную свободу действий, мог выбирать, кому покровительствовать.

Внешнеполитическое ведомство США рассматривало возможность оказать помощь наиболее значимым центрам антибольшевистской власти, не увязывая ее напрямую с процессом их признания. Выбор момента для начала оказания США такой помощи Лансинг, исходя из их интересов, опять-таки определил весьма расплывчато: «когда русские будут готовы ее принять», или у них возникнет необходимость избавиться от «социального и промышленного беспорядка», вызван-

---

в России, вопроса о власти не затронул. Но в посвященном России п. 6 мастерски, путем словесной эквилибристики, Вильсон совместил, казалось, никак не сходявшиеся идеи. Он провозглашал право граждан России самим определять собственную судьбу, а с другой стороны, «застолбил» за союзниками и США возможность оказать им «помощь» в этом выборе. Летом—осенью 1918 г. это «наставничество» вылилось в присоединение США к интервенции союзников на Севере и Востоке России.

ного «радикальной переменной политической ситуации». Так что «большевицкая альтернатива» как выбор русского народа в планы Вашингтона никак не вписывалась.

Его действия на «русском направлении» вполне укладывались в рамки избранного курса. Уже в конце 1917 г. англичанам и некоторым американским дипломатам — консулам в Москве М. Саммерсу, в Тифлисе — У. Смиту, удалось убедить осторожного хозяина Белого дома поддержать деньгами антибольшевицкие силы на Юге России, а именно генералов М.В. Алексеева, А.М. Каледина, Л.Г. Корнилова. Вильсон недолюбливал «бывших царских» военных, подозревая их в стремлении восстановить Россию «старую», дореволюционную. Предприятие завершилось для Вашингтона неудачей⁴.

Пробуя разные варианты политики, Вильсон был неплохо осведомлен и о содержании происходивших в первые месяцы 1918 г. неформальных контактах с В.И. Лениным и Л.Б.Троцким. Их поддерживали дипломаты и военные союзных России стран, включая и американцев — генерала У. Джадсона и главу Американского Красного Креста (АКК) в России Р. Робинса. И все для того, чтобы удержать страну в войне и не допустить заключения Брестского мирного договора. Усилия оказались тщетными, он был ратифицирован на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов (14–16 марта 1918 г.)⁵. Диалог Вашингтона с вождями большевиков был надолго прерван.

К весне 1918 г. внимание В. Вильсона все более переключалось на события на Востоке России. Из заслуживавших внимания источников становилось известно, что там жесткая политика большевиков вызывала все большее недовольство местного населения, а разгон Учредительного собрания и Брестский мир «подлили масла в огонь». В донесении от 20 марта главнокомандующий Военно-морскими силами США в Азии адмирал О. Найт сообщал, что в Сибири происходило складывание автономного антибольшевицкого правительства просоюзнической ориентации. По мысли флотоводца, его можно было поддержать для борьбы с любой силой, которую Германия хотела бы использовать «к востоку от Уральских гор» — имелись в виду, конечно, сторонники большевиков. Со своей стороны, Вильсон полагал со-

---

⁴ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 67–89, 118–122; Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Пер. с англ. М., 2002. С. 181–186, 191–192; Foglesong D. Op. cit. P. 79–105; etc.

⁵ См.: W. Wilson to R. Lansing, January 1, 1918 // PWW. Vol. 45. P. 417; Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 91–99, 106–113, 166–184; Gardner L. Wilson and Revolutions, 1913–1921. Philadelphia, 1976. P. 35–38; etc.

здание такого правительства самими сибиряками полезным. Но просил Найта воздерживаться от вмешательства в события до получения инструкций из Вашингтона⁶.

С развитием антибольшевистской борьбы в Сибири президент проявлял возрастающий интерес к формируемому «ядру самоуправляющейся власти». В середине апреля Вильсон даже размышлял о возможности поддержать «наиболее представительный» (*most nearly representative*) из центров власти и просил госсекретаря предоставить о них и их вождях информацию⁷.

Исполнить задание Р. Лансинг поручил Б. Майлзу, подготовившему соответствующий меморандум. Внимание специалиста тогда привлекли вышедшее из недр Сибирской областной думы г. Томска умеренно социалистическое Временное правительство Сибири и его лидер П.Я. Дербер; опиравшийся на офицерство, консервативные и монархические круги в г. Харбине, бывший комиссар Временного правительства на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) генерал-лейтенант Д.Х. Хорват; решительно действовавший против большевиков к востоку от оз. Байкал казачий атаман Г.М. Семенов⁸.

Отдавая себе отчет, что «сибирская власть» весной 1918 г. проходила только этап становления, Вильсон предпочитал «держаться паузы». Но надеялся на обретение ею большей зрелости. Не случайно в разговоре с французским послом в США Ж. Жюссераном в конце мая президент высказал мысль: он ожидал появления в Сибири правительства, которому западные партнеры помогут «устоять на своих ногах»⁹.

Эти размышления американского лидера по времени совпали с новым поворотом событий на Востоке России, подтолкнувшим интерес к ним Вашингтона. Состоялись открытое выступление 60-тысячного чехословацкого корпуса против большевиков и его весомые военные успехи лета 1918 г. Вокруг легионеров объединились разнородные рус-

---

⁶ From the Diary of Josephus Daniels. March 21, 1918 // PWW. Vol. 47. P. 92–93.

⁷ Three letters from W. Wilson to R. Lansing. April 18, 1919 // Ibid. P. 357.

⁸ R. Lansing to W. Wilson. April 22, 1918. Enclosure: Movements for Autonomy in Siberia, by V. Miles // Ibid. P. 397–399. В документе сторонники Дербера характеризовались как пользовавшиеся известной популярностью у населения; группа Хорвата – как такой поддержки лишённая и к тому же имевшая все основания именоваться «контрреволюционной». Семенова считали решительным борцом против большевиков без определенных политических предпочтений, но опиравшегося на поддержку японцев, англичан и консервативных русских. Для американцев весьма привлекательной выглядела фигура П.Я. Дербера, который во Владивостоке напрямую обратился за помощью к консулу Дж. Колдвелу и флотоводцу О. Найту.

⁹ A Translation of a telegram from J. Jusserand to S.J. Pichon. Wasington, undated // PWW. Vol. 48. P. 202. Телеграмма находится в документах В. Вильсона, относящихся к 31 мая 1918 г.

ские антибольшевистские силы, распространившие контроль над территориями от Волги до Владивостока. И на ней возникла целая россыпь более полутора десятков правоэсеровских, кадетских и правой политической ориентации правительств¹⁰.

Такое атомизированное состояние власти на Востоке России Вашингтон едва ли устраивало, и он сохранял позицию заинтересованного наблюдателя. Эта линия поведения встречала понимание хорошо знакомых с «политической кухней» западных демократий русских белых дипломатов вроде послов в США и Франции Б.А. Бахметева и В.А. Маклакова. Искренне радея за судьбу антибольшевистских сил, они анализировали мучительный процесс их объединения. Русские дипломаты брались сказать вождям разнородных центров власти и силы на территории России то, о чем умалчивали западные коллеги, объяснить, почему обращения к странам Согласия и США за помощью и признанием не встречали сочувствия.

Для положительного решения вопросов должны были созреть условия. Лидерам разных центров власти следовало отказаться от личных амбиций и склок, создать единое правительство. Нужно было собрать под его контролем возможно большую территорию, выработать общую программу антибольшевистской коалиции сил. Но главное — правительство должно было утвердиться фактически: завоевать уважение граждан, продемонстрировать умение управлять и добиться, чтобы его слушались, наладить экономическую жизнь, создать боеспособную армию и работающий государственный аппарат. То есть сделать все то, что делает власть властью. А пока незрелая антибольшевистская власть вызывала у серьезных западных политиков здоровое чувство скептицизма¹¹.

Отметим, что в вашингтонских коридорах власти прислушивались к мнению Б.А. Бахметева, по воле Госдепа и Министерства финансов во главе с У. Мак-Аду, сохранившего доступ к деньгам на счетах Вре-

---

¹⁰ Анализ выступления чехословацкого корпуса, его успехов во взаимодействии с русскими антибольшевистскими силами летом—осенью 1918 г., охлаждения отношений партнеров и последовавших за этим неудач, планов союзников использовать легионеров для свержения власти большевиков и жесткого противодействия этому Вашингтона содержится, в частности, в работах: *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: чехословацкие политические организации и военные формирования в России, 1914–1921 гг. М., 1965; *Прайсман Л.Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103; № 6. С. 34–76; *Foglesong D.* Op. cit. P. 151–173; *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill (N.C.), 1989; etc.

¹¹ В.А. Маклаков — Послу в Вашингтоне, 18 июля 1918 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 187. Оп. 524. д. 3538. Л. 50 (Далее: АВПРИ.); Б.А. Бахметев — Послу в Париже, 27 августа 1918 г. // Там же. Л. 82 (об.), 83 (об.); В.А. Маклаков — К.Д. Набокову, 11 октября 1918 г. // Там же. Д. 3517. Л. 127–128; и др.

менного правительства и имевшего свои каналы информации из России¹².

Они дополняли сведения, поступающие отсюда от американских дипломатов. Организация их работы в 1918 г. претерпела немалые изменения. Во время вызванных заключением Брестского мира бурных событий генеральный консул в Москве М. Саммерс опасался захвата германцами Петрограда и их движения в глубь страны. А потому он прозорливо решил усилить консульскую службу на Востоке России. Чиновники, набранные из числа работавших в России американцев, окунувшись в атмосферу «внутренней смуты», обосновались в Иркутске, Омске, Томске, Красноярске, Чите, Самаре, Екатеринбурге, Ново-Николаевске.

Но события конца мая – внезапная кончина энергичного М. Саммерса, чехословацкий мятеж, отрезавший от контролировавшейся большевиками Центральной России пространства Сибири и русского Дальнего Востока, – создали большие сложности для организации регулярных контактов между Вашингтоном и его дипломатами в далекой стране¹³.

Учитывая особые условия, большое рвение в информации Вашингтона о событиях на Востоке России выказал генеральный консул в Иркутске Э. Харрис. До назначения на эту должность он с 1916 г. работал на имевший широкие деловые интересы в России «Нэшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк». По-своему оценив опыт русских революций, он уже 29 июля 1918 г. предупреждал Вашингтон: Россию ожидало продолжение смуты, из нее могла вырасти совсем не та модель власти, которую хотели бы видеть за океаном.

По Харрису, избавление от власти большевиков стало для населения Сибири лишь началом тернистого пути «обретения себя». Но объявилось много политических групп и амбициозных вождей, занятых местными, малозначимыми вопросами и игнорировавших проблемы восстановления российской государственности. Слишком мозаичным оказалось политическое поле Сибири, где уживались и монархисты, и большевики, влияние которых не было искоренено. Слишком велико было влияние в народе «левых» партий, особенно социалистов-революционеров. Большой разницы между ними и большевиками Харрис не видел.

---

¹² США предоставили в виде займов и кредитов Временному правительству 325 млн долл., к 7 ноября на его счета было переведено 187,7 млн долл. В годы Гражданской войны не менее 50 млн долл. было использовано посольством с согласия американских властей на поддержку антибольшевистских сил. См.: *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 142–145.

¹³ *Kennan G.F.* Op. cit. P. 279–280.

В общем, ситуация в Сибири напоминала консулу времена столь неудачно завершившегося для России «демократического эксперимента» 1917 г. Русские, видимо, не смогли извлечь правильные уроки из печального опыта и готовились повторить «фиаско Керенского». А потому русскому народу на время войны и внутренних неурядиц, полагал американский дипломат, более подошла бы «военная диктатура». Тогда, возможно, изменились бы политические предпочтения, и масса людей вернула бы доверие таким кадетским и военным лидерам, как П.Н. Милуков, А.И. Гучков, М.В. Родзянко, А.В. Колчак и М.В. Алексеев. А они вели бы Россию к созданию «надежной консервативной республики», смогли бы выдвинуть конструктивную программу действий и провести выборы в Учредительное собрание.

Из размышлений Харриса следовало, что русских «без поводыря» оставлять было нельзя. В тесном сотрудничестве антибольшевистского фронта с западными демократиями и непримиримой борьбе с «прогерманскими» (читай, управлявшимися Москвой) силами видел консул путь к спасению страны¹⁴.

Прогноз Э. Харриса, как оказалось впоследствии, весьма реалистичный мог лишь обострить понимание хозяином Белого дома сложности «русской проблемы». А ему летом приходилось задуматься: стоило ли вовлекать США в военную интервенцию союзных держав в России?¹⁵ Действия дравшихся на Востоке этой страны с «красными» чехословаков и русских стали сильным доводом в пользу принятия положительного решения. В разъяснявшем его подоплеку странам Согласия меморандуме от 17 июля Вильсон обозначил желание Вашингтона в будущем поддержать формировавшуюся антибольшевистскими силами Востока России власть. Целями американской экспедиции в России были названы поддержка чехословацкого корпуса, а также помощь русским «в той мере, в которой они будут готовы ее принять», включая и попытки «создать самоуправление и защититься»¹⁶.

---

¹⁴ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. July 29, 1918 // United States. Department of State Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia: in 3 vols. Washington (D.C.), 1931–1932. Vol. II. P. 309–314. (Далее: FRUS. 1918. Russia. Vol. II.)

¹⁵ О длительном, сложном процессе принятия решения Вильсоном и его советниками в пользу интервенции в России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, см.: *Лустиков С.В.* В поисках «русской политики»: Вудро Вильсон и интервенция в России (1918–1920) // Американский ежегодник 2016. М., 2017. С. 159–169; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. N.Y., 1968. P. 1–105; *Foglesong D.* Op. cit. P. 143–164; *Kennan G.F.* Op. cit.; *Somin I.* Stillborn Crusade. Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920. New Brunswick (N.J.), 1996. P. 79–100.

¹⁶ W. Wilson to F. Polk, with Enclosure. July 17, 1918. Enclosure: Memorandum to be Communicated to the Governments of Great Britain, France and Italy // PWW. Vol. 48. P. 639–644; *Fic V.* Op. cit. P. 187–201; *Kennan G.F.* Op. cit. P. 398.

В Вашингтоне вполне реалистично оценивали состояние неопределенности на политическом поле Востока России, вызванной сложным сближением наиболее значимых центров антибольшевистской власти. На кадетской платформе стояло Временное Сибирское правительство (ВСП) П.В. Вологодского¹⁷. Благожелательная информация о нем содержалась, в частности, в донесении консула в Ново-Николаевске Дж. Рея от 8 июля, которое консул во Владивостоке Дж. Колдвел смог передать в Государственный департамент только 13 августа¹⁸. Он сообщал, что ВСП состояло из представителей «умеренных партий», распространило влияние в Западной Сибири «от Иркутска до Урала». Оно представляло широкие слои общества, пользовалось поддержкой крестьянства и казачества, опиралось на органы местного самоуправления — земства и городские думы. ВСП было нацелено на возрождение единой России на федеративных началах, создание армии и созыв нового Учредительного собрания. Во внешней политике правительство декларировало решительную борьбу с Германией и единение с союзниками, надеясь получить от них поддержку и признание.

Без особого энтузиазма должны были воспринимать в Вашингтоне вести о наличии на Востоке России «конкурировавших» с ВСП весьма влиятельных правительств умеренно-социалистической ориентации. Речь шла прежде всего о самарском Комитете членов Учредительного собрания (Комуч), а также о Сибирской областной думе г. Томска, Западно-сибирском комиссариате¹⁹. Творцы внешнеполитического курса США «левых» не жаловали и в их оттенках разбирались слабо.

Поэтому в Америке в 1918 г. не раз звучали к ним разумные призывы, учитывая сложившуюся в Сибири конфигурацию политических сил, преодолеть свои предубеждения. В конце июня эту мысль пытался донести до военно-морского министра Дж. Даниельса побывавший в России в 1917 г. журналист У. Эллис. В августе о том же писал Р. Лансингу такой признанный специалист по России, как Дж. Кен-

---

¹⁷ Созданное в конце июня, оно выступало за свободную рыночную экономику, восстановление прав собственности землевладельцев, денационализацию промышленности. См.: *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996. С. 69.

¹⁸ Consulat Vladivostok (Caldwell) to the Secretary of State. August 13, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 342–343.

¹⁹ Представляя обобщенную программу этих правозесеровских правительств, тот же Н. Перейра называет весьма умеренные требования: защита гражданских свобод, местное самоуправление, права меньшинств, коллективные договоры. См.: *Перейра Н.* Указ. соч. С. 69. Об идейной платформе и деятельности правозесеровских правительств также см.: *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 141–183; *Трухан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 23–50; *Шубин А.В.* Эсеры как российский вариант социалистической демократии // *Мировая социал-демократия: теория, история и современность.* М. 2006. С. 161–164.

нан. Он умолял Белый дом не повторять трагических ошибок 1917 г. Тогда в Россию была направлена миссия сенатора Э. Рута, далекой страны не знавшего и не осознавшего силы влияния в ней социалистов. Тогда неудачная попытка Рута учить русских, кого им следовало поддерживать, стала важным фактором провала всей американской политики. Кеннан хотел бы избежать «повторения пройденного»²⁰.

Скорее всего, подобные обращения больших последствий не имели. Но вашингтонские «верхи» власти хорошо понимали, что «политическое строительство» на Востоке России напрямую зависело от состояния умов местного населения и ситуации на фронтах. А они, как свидетельствовало донесение адмирала О. Найта от 1 августа, были удручающими. «Антибольшевистский и антигерманский» настрой населения Сибири не подкреплялся желанием крестьян сражаться; казаки «колебались и были ненадежны», часть из них дралась на стороне врага. Между тем чехословакам нужна была «немедленная помощь». Поскольку на русских рассчитывать не приходилось, оставалось рассчитывать либо на американцев, либо на японцев²¹.

В этих условиях непредсказуемого состояния антибольшевистских сил на Востоке России в Вашингтоне не считали разумным что-то менять в своей политике. Оттуда и ВСП, и более «левые» правительства, и образованное в конце июля умеренное Временное областное правительство Урала, несмотря на отмеченные острыми противоречиями пути к объединению, виделись скорее как управлявшиеся соперничавшими «политическими группами», как осуществлявшие власть лишь на ограниченной части обширных территорий Сибири и Дальнего Востока России²². И это несмотря на претензии отдельных «местных правительств» на верховенство управления Сибирью или даже более широкие амбиции. Следуя заявленным политическим ориентирам, Госдеп не высказал симпатий «правому» Д.Л. Хорвату, возглавлявшему Деловой кабинет созданного им Всероссийского правительства. Ф. Полк 8 августа назвал наличие этой власти для политики Вашингтона «не преимуществом», а источником «смущения»²³.

---

²⁰ From J. Daniels to W. Wilson, with Enclosure. June 24, 1918. Enclosure: W.T. Ellis to J. Daniels // PWW. Vol. 48. P. 410–411; From R. Lansing to W. Wilson, with Enclosure. August 22, 1918. Enclosure: G. Kennan to R. Lansing. August 18, 1918 // PWW. Vol. 49. P. 320–321.

²¹ From F. Polk, to W. Wilson, with Enclosure. August 1, 1918. Three telegrams from Admiral Knight to the Navy Department // PWW. Vol. 49. P. 150–153.

²² О тягостных попытках сближения антибольшевистских политических сил Востока России, о совещаниях в Челябинске 15–16 июля и 23 августа 1918 г. подробнее см.: Гармиза В.В. Указ. соч. С.186–187; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007. С. 112–114, 145–146; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983. С. 77–78.

²³ The acting Secretary of State to the Consul at Vladivostok (Caldwell). August 8, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 335.

Государственный департамент посчитал необходимым в конце августа подтвердить странам Соглашения приоритеты политики США на Востоке России. До Вашингтона дошли вести об их желании подтолкнуть процесс сближения русских антибольшевистских сил, создав для этого некое Межсоюзное гражданское бюро, и привлечь к его деятельности американцев. Р. Лансинг сообщил французскому послу Ж. Жюссерану, что его страна как раз не намерена была вмешиваться в борьбу политических групп. Она занимала позицию друга русского народа, но стоявшего как бы в стороне и готового придти ему на помощь в трудную минуту. Вопрос об оказании экономической помощи Вашингтоном рассматривался, но решение еще не было принято. В общем, декларировалось «ничего неделание» под самым благовидным предлогом. Единственное, что Вашингтон разрешил сделать в интересах антибольшевистских армий Востока России – использовать определенную сумму денег со счетов русского посольства для закупки 100 тыс. винтовок, значительная часть которых к тому же предназначалась чехословакам)²⁴.

В Вашингтоне отметили, что резко меняющаяся обстановка на фронтах, где противник в начале сентября перешел в наступление, более всего подталкивала антибольшевистские силы к объединению. С полей сражений приходила противоречивая информация. Иногда казалось, что «красных» удастся сдержать. В таком «вселявшем оптимизм» ключе было составлено послание работавшего на «русском направлении» госсекретаря США Б. Лонга президенту от 7 сентября, содержащее мнение командовавшего войсками в Центральной Сибири чехословацкого генерала Р. Гайды. Он сообщал об успехах мобилизации среди русских, в результате которой под его началом вместе с легионерами оказалась солидная боевая сила в 160 тыс. штыков, о победах над «красными» и сражавшимися на их стороне военнопленными стран Четверного союза и укреплении антибольшевистского фронта на Волге²⁵.

Всего лишь несколькими днями спустя, уже после начала Уфимского совещания, Э. Харрис отправил в Вашингтон обращение Русского отдела Чехословацкого национального совета (ЧНС) к «русским братьям» с призывом создать «центральную власть». В послании теплилась надежда, что ее появление позволит как-то стабилизировать тыл и фронт. Пока же положение казалось отчаянным. «Непривычно

---

²⁴ The Secretary of State to the French Ambassador (Jusserand). August 31, 1918 // Ibid. P. 362; Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael (Calif.), 1977. P. 82.

²⁵ From B. Long to W. Wilson, with Enclosure. September 7, 1918 // PWW. Vol. 49. P. 479–480. О крутых мерах реорганизации Красной армии и переломе в военных действиях в ее пользу см.: *Ненароков А.П.* Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 195–226.

тяжелая ноша» сопротивления врагу легла на плечи испытывавших все большую усталость чехословаков. Их одолевали сомнения: стоило ли сражаться за Россию, если сами русские не желали этого делать?²⁶

Пятнадцатого сентября в Вашингтоне от уполномоченного ЧНС в Сибири Б. Павлу поступили сведения, что антибольшевистский фронт рушился. Под ударами дисциплинированных и хорошо вооруженных войск большевиков 10 сентября была оставлена Казань, 12 сентября – Симбирск, было возможно резкое ухудшение положения и на екатеринбургском направлении. В случае сдачи Самары под угрозой оказывалась Уфа. Не надеясь на слабые Народную и Сибирскую армии, чехословаки с надеждой ожидали помощи «с Востока», где дислоцировались американские и японские части²⁷.

За этими тревожными в Государственном департаменте США старались не упустить из виду тяжело происходившего на совещании в Уфе процесса собирания антибольшевистских политических сил. О наличии серьезных противоречий между их консервативной частью во главе с ВСП и умеренно-социалистическим крылом, следовавшим за Комучем, Госдеп информировал Харрис. Четырнадцатого сентября он сообщал, что в Пекин явился министр иностранных дел ВСП М.П. Головачев и требовал для него признания. Консул призывал Вашингтон к осторожности: шаги в этом направлении могли вызвать непонимание «Самары, Екатеринбурга, Оренбурга», т.е. представителей Комуча, Временного областного правительства Урала, казачества, национальных меньшинств и ряда политических партий и движений, собравшихся в Уфе. Между тем сам Омск (читай, ВСП), как стало известно Харрису, направил туда своих представителей с большой неохотой²⁸.

Из донесений американских дипломатов следовало, что в охваченной кровавой смутой России политические соперники в средствах достижения результата не стеснялись, выходя далеко за рамки принятых в странах западных демократий правил. Консул в Томске Дж. Рей поведал яркие эпизоды случившегося 19–24 сентября острого противостояния между созданным месяцем ранее ВСП и осуществлявшим

---

²⁶ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. September 12, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 375–377. О совещании в Уфе 8–23 сентября, главным итогом которого стало создание Директории, или Временного всероссийского правительства во главе с правым эсером Н.Д. Авксентьевым см.: *Гармиза В.В.* Указ. соч. С. 188–204; *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 165–201; *Июффе Г.З.* Указ. соч. С. 78–96; *Трукан Г.А.* Указ. соч. С. 50–67.

²⁷ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. September 15, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 381–382.

²⁸ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. September 14, 1918 // Ibid. P. 380.

на практике функции государственной власти «правым» Административным советом, и эсеровской Сибирской областной думой г. Томска во главе с И.А. Якушевым, на деле завершившимся поражением последней²⁹. Харрис дополнил коллегу впечатляющим рассказом о событиях 20–21 сентября, когда несколько министров-эсеров — Е.М. Крутовский, М.В. Шатилов, И.А. Якушев и А.Е. Новоселов — были арестованы и под дулами пистолетов вынуждены были подать в отставку. Впоследствии Новоселов был убит. В организации этой акции подозревался министр финансов ВСП И.А. Михайлов³⁰.

Получая такую тревожную информацию, в Вашингтоне оправданно задавались вопросами: сможет ли появившаяся в столь непростых обстоятельствах Директория стабилизировать положение антибольшевистского Востока России, и следовало ли что-то качественно менять в политике США?

Вдумчивые комментарии американских дипломатов оптимизма не вселяли. В письме президенту 24 сентября Р. Лансинг по существу признал, что антибольшевистскому «фронту на Волге» не выстоять. Чем можно было помочь чехословакам, не желавшим отойти за Уральские горы и тем самым обречь на поражение сражавшихся вместе с ними русских, госсекретарь не знал. Он понимал, что В. Вильсон ни при каких обстоятельствах не согласится бросить в бой прибывшие на Восток России небольшие американские части. К тому же они, размышляя Лансинг, не смогли бы внести перелома в ход военных действий. Спасти положение могла Япония. Но госсекретарь США обоснованно сомневался в том, что ее правители согласятся отправить солдат на Волгу и пойдут на эту «опасную авантюру». Как показали последующие события, Лансинг вполне реалистично оценивал позицию японских партнеров³¹.

Послание Лансинга дышало безысходностью. В подтверждение своих слов он ссылался на выраженное днем ранее мнение пользовавшегося доверием хозяина Белого дома посла США в Японии Р. Морриса. А тот, объявившийся во Владивостоке, пока мог мало что конструктивного предложить в рамках приемлемого для Белого

---

²⁹ Consul at Tomsk (Ray) to the Secretary of State. September 30, 1918 // Ibid. P. 397.

³⁰ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. September 25, 1918 // Ibid. P. 392. Об этих событиях подробнее см.: *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 82–89; *Перейра Н.* Указ. соч. С. 77–79.

³¹ Позднее, в конце октября Б. Майлз со ссылкой на полученные от Р. Морриса сведения сообщил Госдепу, что Япония не собиралась отправлять войска на Волгу, но усиливала свое присутствие в Северной Маньчжурии для установления контроля над КВЖД. Посол весьма резко отозвался о японцах, действовавших исключительно в своих интересах. См.: В. Miles to R. Lansing, with Enclosure. October 28, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 478–479.

дома варианта «русской политики». Были высказаны лишь наметки. Со ссылкой на мнение видного инженера Дж. Стивенса, находившегося на Дальнем Востоке, говорилось о необходимости улучшения работы Китайско-Восточной и Транссибирской железных дорог. Звучала мысль о переносе штаба командующего Американскими экспедиционными силами (АЭС) генерала У. Гревса из Владивостока в район Омска для укрепления тылов сражавшихся чехословаков³².

Картину тяжелейшего положения Директории на внешнем контуре Харрис тогда же дополнял изображением «разброда и шатания» в тылу. Ему не верилось, что новой власти удастся избавиться от таких ставших привычными для сибирской политики язв, как внутренние склоки или замкнутость на местных проблемах. Директория новых, сильных лидеров не предъявила. Но она, руководствуясь в своей деятельности «радикально социалистическими» идеями, могла лишь еще глубже вовлечь народ в трясину кризиса. Правда, в чем состоял этот «крайне левый» крен Директории, консул не уточнял.

Как ему это виделось, люди в массе своей на новую власть не рассчитывали. Безмерно устав от потерь и лишений, они искали спасения, надеясь на появление какой-то внешней силы. В Сибири думали, что из США к ним на помощь придут коммерсанты, специалисты по вопросам земледелия и трудовых отношений и другие профессионалы. И главное, «несколько тысяч» американских солдат пройдут маршем по улицам русских городов. Харрис не упустил случая подчеркнуть, что чехословаки держались «из последних сил», а отправку им на помощь до 50 тыс. союзных солдат дипломат считал «абсолютной необходимостью»³³.

Появление Директории было окрашено в такие сумрачные тона, что на серьезный позитивный «прорыва» от ее правления Вашингтону едва ли приходилось рассчитывать. И все же там для принятия решений ожидали точных анализа и рекомендации Р. Морриса, глазами которого Белый дом смотрел на происходившее на Востоке России. Посол в Японии не обманул ожиданий, в донесении от 18 октября из Харбина упомянув, что уже течение месяца изучал ситуацию

---

³² From R. Lansing to W. Wilson, with Enclosure. September 24, 1918. Enclosure: R. Morris to R. Lansing. September 23, 1918 // Ibid. P. 97–101. В августе–сентябре на Востоке России высадилось до 7 тыс. американских военных под началом генерала У. Гревса.

³³ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. September 25, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 386–387. В программу умеренно-социалистической Директории вошли требования гражданских свобод, политического федерализма, свободы частной инициативы в производстве, государственного регулирования промышленности и торговли, охраны труда, разрешения профсоюзов, сохранения земли в руках владельцев до окончательного решения земельного вопроса Учредительным собранием. См.: *Шубин А.В.* Указ соч. С. 163; *Перейра Н.* Указ. соч. С. 83–84.

на этих землях. Моррис делал точный вывод: в Сибири отсутствовало центральное правительство, которое осуществляло бы реальную власть. На деле существовали политические группы, претендовавшие на роль центрального правительства. И одна из них приняла амбициозное название «всероссийской» власти — дипломат имел в виду Директорию, которая в начале октября перебралась в Омск.

Там деятельность Директории оказалась в большой зависимости от Совета министров ВСП и Административного совета. Моррис не затронул вопроса о компромиссе между политиками умеренно-социалистическими и кадетскими, все более правевшими и подспудно готовившими почву для утверждения военной диктатуры. Дипломат сообщал, что самое активное из правительств находилось в Омске, оно издавало указы, назначало чиновников, создавало армию. Но и оно реальной властью не владело. Все потому, разъяснял посол, что идея автономизма в Сибири пустила слишком сильные корни. Местные власти вносили «подобие порядка в хаос событий» и с большим недоверием смотрели на попытки подчинить себя какой-либо центральной власти. Отметил Моррис и тот важный факт, что по городам вдоль Транссибирской магистрали влияние большевиков среди рабочих остается весьма сильным. И дело было не в их приверженности леворадикальным идеям, а в «классовом чувстве», рождавшемся бедственным материальным положением простого труженика.

С учетом изложенного, рекомендации Морриса были весьма скромными. Признавать правительства, именовавшие себя «всероссийскими», но на деле таковыми не являвшимися, не следовало. С властями на местах можно было поддерживать контакты через американских представителей на предмет оказания им совета и помощи. Работу железных дорог следовало подчинить управлению единой организации, поставив во главе ее Дж. Стивенса и его команду американских экспертов. Для охраны железнодорожного сообщения надлежало разместить контингенты войск США на участках КВЖД и Транссибирской магистрали³⁴.

Донесение Р. Морриса лишь подтверждало глубокие опасения Харриса за судьбы антибольшевистского Востока России, альтернативная точка зрения на ситуацию даже не просматривалась. Найдись в ва-

---

³⁴ Ambassador in Japan (Morris), temporarily in Harbin, to the Secretary of State. October 18, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 414–415. О работе в охваченной Гражданской войной России Дж. Стивенса и почти трех сотен американских специалистов-транспортников из Русского железнодорожного корпуса, создании в начале 1919 г. Межсоюзного совета по управлению железными дорогами, важнейшее Техническое управление которого возглавил Стивенс, см.: *Feist J. Theirs Not To Reason Why: The Case of Russian Railway Service Corps // Military Affairs. 1978. February. P. 1–6; Stevens J.F. Russia During the World War // Engineers and Engineering. 1927. No. 44. January. P. 17–23; etc.*

шингтонских коридорах власти сторонники придать «русской политике» новый импульс, им не за что было бы зацепиться.

Не это ли стало одной из причин, побудивших Госдеп США в октябре высказать весьма жесткие претензии к работе того же генерального консула в Иркутске и его коллег? Из Вашингтона подчиненным «ведомствам столь высокого ранга» выговаривали за отсутствие в донесениях «содержательной информации» о происходившем в Сибири, на Волге, Дальнем Востоке, в крупных городах вроде Читы или Красноярска³⁵.

А пока, за неимением лучшего выбора, Белый дом дрейфовал проложенным ранее курсом. Это подтвердил 17 октября Р. Лансинг Б.А. Бахметеву, имевшему веские основания сетовать на «сдержанность» политики США в отношении антибольшевистских сил России. Все же госсекретарь не удержался и указал на те черты новой русской власти, которые Вашингтон настораживали и мешали сближению. За океаном «с надеждой» ожидали появления более «устойчивого правительства», «левый крен» Директории казался чрезмерным, права личности следовало неукоснительно защищать. Наконец, США не могли признать правительства, не готового выполнять свои международные обязательства³⁶. Так, Лансинг напомнил Директории о долгах бывших, существовавших до ноября 1917 г., русских правительств³⁷. Упоминание главой Госдепа возможности оказания России «практической помощи», лишенное конкретики, едва ли могло русскому послу «подсластить горькую пилюлю».

Отстаивая свой подход к «русской проблеме», в Вашингтоне не могли не заметить, что он все более расходился с намерениями Лондона и Парижа. Это следовало, в частности, из написанного в начале октября послания министра иностранных дел Великобритании А.Дж. Бальфура поверенному в делах этой страны в Вашингтоне. В документе признавалось: заокеанских партнеров с места не сдвинуть, а европейцы готовы были помогать русским антибольшевистским силам и брать на себя связанные с этим риски. Британцы вынашивали замыслы широкой военной кампании против Москвы. Если

---

³⁵ The Department of State to Consul General at Irkutsk (Harris). October 23, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 417.

³⁶ The Secretary of State to the Russian Ambassador (Bakhmeteff). October 17, 1918 // Ibid. P. 413–414.

³⁷ Отметим, что долги царского правительства американским банкирам в годы Первой мировой войны составили 233 млн долл., к этой сумме Временное правительство (как уже отмечалось) добавило еще 187,7 млн долл. Не могли политики и деловые круги США, учитывая бурный рост экспорта американских товаров в Россию – с 31 млн долл. в 1914 г. до 500 млн долл. в 1917 г., – не рассматривать эту страну в будущем как объект своей выгодной внешнеэкономической экспансии. См.: *Foglesong D.* Op. cit. P. 177–178.

США «не хотят или не могут» играть в эти игры, пусть другим не мешают, — писал Бальфур³⁸. Но каких решений следовало ожидать от союзников, Госдепу оставалось пока только догадываться.

О них размышлял Э. Харрис 8 ноября. К теме международного измерения Директории консула заставил вернуться разговор, состоявшийся между ним, французским послом Ж. Рено и британским Высоким уполномоченным Ч. Элиотом. Они дали понять, что союзники, считая появление Директории едва ли не началом «нового этапа» сотрудничества с русской властью, готовы были повысить статус своего представительства при ней. Признание Директории становилось возможным, если бы ей удалось показать «твердость делом» и ее политика получила поддержку населения.

Харрис постарался раскрыть различия в отношении к Директории между европейцами и США. Последние считали ее признание преждевременным не только потому, что видели Директорию одним из сибирских правительств, к тому же слишком «левой» направленности. Стратегически политика Вашингтона была нацелена на единение всех антибольшевистских правительств «Сибири, Кавказа, европейской России, Туркестана» и появление общенациональной власти.

Британцы и французы, заигрывая с отдельными правительствами в своих интересах, готовы были вскармливать сепаратизм, «вкушать» от распада России. Харрис «копнул» глубоко, проникнув в тайные замыслы партнеров³⁹. Английское правительство, свидетельствует видный историк Дж.М. Томпсон, было «в шаге» от признания Директории накануне устранившего ее военного переворота 18 ноября⁴⁰.

И все же, желая подчеркнуть «единение» антибольшевистского фронта и поддержать Директорию, Харрис предложил осуществить поставки оружия на Восток России. Но Вашингтон это уже сделал в конце октября, санкционировав отправку 100 тыс. винтовок (частично за счет кредита, частично — денег на счетах русского посольства)⁴¹.

Что касается самого Харриса, то его отношение к Директории с течением времени только ухудшалось. В послании от 1 ноября он не только лишний раз поминал ее многие «грехи», на которые ранее указывал. Дипломат пытался проследить несоответствие ее «слова и дела». Так, вожди Директории выступали якобы за развитие частной инициативы в промышленности и торговле и тут же предлагали такие меры контроля над ними, которые эту свободу деятельности сдержи-

---

³⁸ The British Secretary of State for Foreign Affairs (Balfour) for Charge at Washington (Barclay). October 2, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 404.

³⁹ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 8, 1918 // Ibid. P. 426–427.

⁴⁰ *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 65–66.

⁴¹ *Maddox R.* Op. cit. P. 82–83.

вали; земельный вопрос оставался нерешенным, мероприятия большевиков в этой сфере социалисты-революционеры так и не осмелились отменить. Смысл тяжелым наследием разлагающего влияния власти «левых» партий на общество была, по Харрису, утрата рабочими желания трудиться. Дипломату не верилось в искренность деклараций Директории о единении со странами Согласия и США. По его словам, это делалось, чтобы «ослепить» их. А вот о русских долгах этим странам Директория ни словом не упомянула⁴².

В общем, «негатива» по поводу «левой» власти у Э. Харриса накопилось столько, что в приведенном выше его донесении от 8 ноября прозвучала мысль: Вашингтону следовало бы несколько скорректировать курс и ориентироваться на военных, воодушевленных идеей защиты национальных интересов. Только сильная, дисциплинированная армия могла победить врага и в Сибири, и по всей России.

Едва ли до Харриса в начале ноября не доходили сведения о популярности среди русских «государственно мыслящих людей» консервативных взглядов — военных, политиков, чиновников, представителей деловых кругов — идеи установления военной диктатуры как средства учреждения дееспособной власти и спасения страны⁴³. Дипломаты западных стран этим намерениям сочувствовали тайно или явно. И когда 18 ноября переворот состоялся, они стали убеждать свои правительства, что массовых протестов против него не случилось и наблюдалось, наоборот, общественное успокоение. Об этом 26 ноября сообщил в Госдеп Э. Харрис, добавив, что «интеллигентные классы» восприняли изменение власти как разворот к лучшему⁴⁴.

---

⁴² Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 1, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 420–421.

⁴³ Как тут не вспомнить мнение Б.А. Бахметева, полагавшего, что в условиях кровавой внутренней смуты в России не было места демократической альтернативе и критиковавшего лидера США, этих реалий не признававшего. «Не ищите легальных основ для действий. Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов... Глубоко огорчен несочувствием Америки выступлениям и Семенова и Алексеева. Национальное движение в России сосредотачивается около подобных попыток, а не заграничных конференций... Настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России вооруженной силы, пришедшей на ее защиту. С ужасом вижу, что Вильсон слишком медленно понимает, что надо делать и избытком корректности губит Россию», — писал Бахметев В.А. Маклакову в конце апреля. См.: Вашингтон — Послу в Париже. 28 апреля 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3538. Л. 7–8.

⁴⁴ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 26, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 446. Отметим, что 3 ноября ВСП передало власть Директории, перейдя в состав ее министров, а после ее падения при их участии — вошли в состав Омского (колчаковского) правительства, см.: С Колчаком — против Колчака: краткий биографический словарь; краткий указатель учреждений и организаций; краткий указатель литературы по истории Гражданской войны в Сибири / Сост. и науч. ред. А.В. Квакин. М., 2007. С. 182.

В столице США 27 ноября услышали из Омска то, что хотели бы услышать ранее: новая верховная власть в лице адмирала А.В. Колчака брала на себя выплату долгов предыдущих правительств России. Министр финансов правительства И.А. Михайлов это намерение подтверждал, что называется, с цифрами в руках⁴⁵.

С учетом этих «обнадеживавших» для западных партнеров сигналов совсем не случайными могли показаться появлявшиеся в русской печати «утечки». Они наводили на мысль, что за переворотом в Омске стояли и внешние силы. В частности, консул во Владивостоке Дж. Колдвел 23 ноября постарался обратить внимание Государственного департамента США на публикацию местным отделением американского Комитета общественной информации (КОИ) телеграммы, полученной по каналам этого влиятельного пропагандистского ведомства из Шанхая. В документе, якобы исходившем от Госдепа, давалась положительная оценка прихода к власти адмирала Колчака. Сам он характеризовался как человек, не склонный злоупотреблять властью и не подверженный политическим влияниям.

Получалось, что в Вашингтоне не просто воздерживались от негативного отношения к случившемуся в Омске, но и находили в нем позитивный смысл. В отличие от многих русских, подчеркивал Колдвел, сам он не склонен был верить опубликованной информации и просил Госдеп ее подтвердить⁴⁶.

Осторожный консул оказался прав: реакция на военный переворот в Омске в столицах западных держав была скорее выжидательной и негативной. Это лучше других ощутили В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев. Хотя им самим, разделявшим взгляды кадетских кругов, Директория виделась непрочным, «партийным», не пользовавшимся широким народным доверием образованием⁴⁷. Но, чувствуя отношение правящих кругов и общественности стран Европы к насильственной смене власти в Омске, Маклаков признавал, что она «подрывает остатки нашего международного положения». А потому «события в Омске, конечно, задержат официальное признание власти»⁴⁸.

---

⁴⁵ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 27, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 447.

⁴⁶ Consul at Vladivostok (Caldwell) to the Secretary of State. November 26, 1918 // Ibid. P. 466.

⁴⁷ В.А. Маклаков – К.Д. Набокову. 23 сентября / 6 октября 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 2–7; Б.А. Бахметев – Послу в Париже. 12 октября 1918 г. // Там же. Л. 137–139.

⁴⁸ В.А. Маклаков – Министерство иностранных дел в Омске. 19 ноября 1918 г. // Там же. Л. 319; В.А. Маклаков – Министерство иностранных дел в Омске. 24 ноября 1918 г. // Там же. Л. 342; В.А. Маклаков – Министерство иностранных дел в Омске. 27 ноября 1918 г. // Там же. Л. 352.

Думается, в Белом доме и в Госдепе от скоропалительных выводов по поводу падения Директории воздержались, это событие стоило «переварить». Напомним, что за неделю до него завершилась Первая мировая война. Вильсон уже был поглощен проблемами глобального переустройства и примерял США на роль одного из лидеров послевоенного мира. В общем, когда президенту было совсем не до Востока России, там случился военный переворот.

Послание Вильсона госсекретарю от 20 ноября выдавало охватившее его смятение чувств. Президент, казалось, искал варианты действий в контексте приближавшегося мирного конгресса. «Осуществимо ли, — писал он, — учитывая хотя бы нынешнее временное расчлененное состояние России на пять частей — Финляндию, Прибалтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину», предоставить России представительство на мирной конференции, или «допустить часть ее, признав Омское правительство и приняв его представителей?»⁴⁹ Так что американский лидер колебался между сохранением целостности России и признанием одной из ее частей, не был уверен, стоило ли приглашать «русских представителей» на мирную конференцию?

Остается догадываться, дошли ли до главы американского государства на момент написания письма Р. Лансингу новости о случившихся двумя днями ранее событиях в Омске, и успел ли он так сразу оценить их значение? Скорее всего, президенту еще предстояло ощутить с новой силой свое неприятие военно-диктаторских режимов и подозрительность к тем, кто их поддерживал, а также задуматься об утрате надежд на развитие демократической альтернативы на политическом поле Востока России. А ведь исчезновение Директории сужало и возможности маневра американской дипломатии на «русском направлении».

Антибольшевистские силы на Востоке России весной—осенью 1918 г. прошли путь от создания первых хлипких центров власти до появления военной диктатуры «правого» толка. А те в Вашингтоне, кто определял приоритеты «русской политики», двигались в рамках заданного ими же маршрута неспешно и не сворачивая. В. Вильсон и Госдеп, наблюдая за развитием политического процесса в контексте иных событий, так и не смогли нащупать той точки опоры, которая позволила бы придать их курсу большие целенаправленность и активность. Осмотрительная позиция Вашингтона казалась вполне продуманной и оправданной, учитывая неустойчивость и различия политических ориентиров нарождавшихся антибольшевистских властей, интриги и склоки их вождей, их занятость местными проблемами. В Белом доме,

---

⁴⁹ W. Wilson to R. Lansing, with Enclosure. November 20, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 136.

думается, имелись и те опасения, что за сближением с сибирской региональной властью могла быть упущена перспектива возрождения общероссийского правительства. Появление Директории не изменило инерции движения Вашингтона.

И все же от его политики веяло холодным расчетом и нежеланием что-то менять. За ожиданием появления более зрелой и стабильной русской власти период краткого существования умеренно-социалистической Директории Белым домом и Госдепом оказался упущенным. После 18 ноября американцам пришлось «подбирать ключи» к куда менее симпатичной для них колчаковской диктатуре.

Как показало дальнейшее течение событий, Вильсон так и не нашел удачного варианта своей «русской политики». А в США уже в январе 1919 г. звучали голоса критиков, в частности, побывавшего в Сибири журналиста К. Аккермана. Он предлагал президенту выбрать одну из очевидных альтернатив: либо решительно поддержать антибольшевистские силы, либо выводить войска из России. Аккерман порицал власти США за равнодушие, с которым они взирали на свержение Директории⁵⁰. Президент же жестко выдерживал свою линию «невмешательства» в «русскую смуту». Этот курс вызывал непонимание и озлобление других участников антибольшевистской коалиции на Востоке России – белых русских, союзников, японцев и привел к бесславному выводу войск США оттуда в июне 1920 г.

---

⁵⁰ From F. Polk to R. Lansing. January 6, 1919 // Ibid. P. 627–632.